

УДК 82.09(470)(092)+32(091)

И.С. ТУРГЕНЕВ — ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА В РОССИИ
Статья вторая

© 2021 г.

В.А. Кутаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit2@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2021

Рассматривается позиция И.С. Тургенева по крестьянскому вопросу в период 1861–1881 гг. Характеризуются его восприятие Положений 19 февраля и хозяйственная деятельность в своих имениях в начальный период реформы. Представлено видение им результатов крестьянского освобождения. Проанализирована тургеневская программа дополнения крестьянской реформы в начале 1880-х гг. в сопоставлении ее с предложениями либералов журнала «Вестник Европы». Предпринята попытка выявить логику изменений в экономических взглядах И.С. Тургенева.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, К.К. Арсеньев, А.И. Васильчиков, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, «Вестник Европы», крестьянское малоземелье, либерализм классический, либерализм социальный.

Различные аспекты участия И.С. Тургенева в подготовке отмены крепостного права, а также восприятие им того, что происходило в России в связи с приближавшимся освобождением крестьян, были рассмотрены нами ранее [1]. Здесь в том же, по существу, тематическом русле, делается следующий шаг – характеризуются ситуации включения писателя в крестьянскую проблематику на протяжении 1860-х и в 1881 гг.

В течение всего февраля 1861 г. Тургенев находился в напряженном ожидании «великого указа» об освобождении крестьян, который, как он полагал, должен был появиться в «великий день», 19 февраля, но стал известен в Петербурге и Москве только 5 марта. Благодаря П.В. Анненкову за телеграмму, сообщавшую долгожданную новость о манифесте, он поздравлял своего корреспондента с «общей радостью». Но, ознакомившись с текстом этого документа, писатель все-таки не смог не посетовать на недостаток ясности в его языке. «Сам манифест, – писал Тургенев Герцену 14(26) марта 1861 г., – явным образом написан был по-французски и переведен на неуклюжий русский язык каким-нибудь немцем». В этом же письме Тургенев сообщал о молебне по случаю дарования манифеста в церкви русского посольства в Париже. «Мы здесь третьего дня отпели молебен в церкви – и поп произнес нам краткую, но умную и трогательную речь, от которой я прослезился – а Ник<олай> Иваныч Тургенев чуть не рыдал. Тут же был и старый кн. Волконский (декабрист). Много народа перед этим ушло из церкви» [2, т. 4, с. 304].

Еще до знакомства с Положениями 19 февраля Тургенев высказал свое отношение к двум, как ему казалось, неизбежным результатам ре-

формы. «Но обрезание надела едва ли понравится крестьянам, особенно в хлебопашных губерниях. Хорошо то, что глупейшего *переходного* времени не будет» (Герцену, 25 февраля (9 марта) 1861 г.) [2, т. 4, с. 297–298]. Если в случае с отрезкой земли у крестьян он оказался абсолютно прав, то радость по поводу отказа от переходного периода была преждевременна.

В канун объявления реформы и в первые дни после этого события Тургенев имел возможность наблюдать настроения «русских путешественников» в Париже. Он фиксировал преобладание в этой среде преимущественно «плантаторских» настроений. Ведь не случайно в уже упомянутом письме Герцену был отмечен факт ухода из церкви «множества» народа до начала благодарственного молебна царю-реформатору. «Здесь русские бесятся: хороши представители нашего народа! – писал Тургенев Анненкову 6(18) марта 1861 г. – Дай бог здоровья государю. Судя по тому, что здесь говорится – мы бы никогда ничего путного не дождались. Бешенство бессилья отвратительно, но еще более смешно» [2, т. 4, с. 301].

Пытаясь объяснить причину «плантаторского» отторжения реформы, Тургенев предположил даже на первых порах, что она кроется в распространении слухов о победе гагаринской идеи о дарственном (четвертном) наделе. Но Положение 19 февраля, с удовлетворением констатировал Тургенев после ознакомления с его содержанием (писатель использовал обычно единственное число, говоря о документах реформы. – В.К.), должно было развеять всякие опасения помещиков на этот счет. И для толков о том, что «их ограбили», он не находил уже никаких оснований (см. письмо Тургенева Анненкову от 22 марта (3 апреля) 1861 г.) [2, т. 4, с. 309].

Среди парижских критиков реформы были не только отъявленные крепостники. 4 марта 1861 г. Н.И. Тургенев передал И.С. Тургеневу свою статью «О (временной) приостановке объявления манифеста 19 февраля 1861 г.» (название предложено публикатором. — В.К.), предназначенную, по всей видимости, для публикации в «Колоколе» Герцена и Огарева. Иван Тургенев тотчас же прочитал ее и оценил в записке автору уже на следующий день как «совершенно справедливую и дельную» [2, т. 4, с. 300].

Что представляло собой это выступление декабриста? Ведь оно, безусловно, значимо для характеристики не только его отношения к крестьянской реформе, но и взглядов Ивана Тургенева, если тот действительно солидаризировался с позицией Николая Тургенева.

В первую очередь Тургенев-старший отдал здесь должное Александру II: «все, что зависело от него, он сделал» [3, с. 139]. Удостоились в целом положительной оценки и труды Редакционных комиссий. Несмотря на окружавшую их «неприятную обстановку», комиссии и их первый председатель Ростовцев, отмечал автор статьи, тоже «сделали все, что только возможно было сделать» [3, с. 140]. Он не ставил под сомнение «успех» их деятельности.

Но при всем том Тургенев находил «окончательные положения» Редакционных комиссий «неудовлетворительными» по двум причинам: во-первых, «они представляют много затруднений в исполнении»; во-вторых, что было еще важнее, «самое совершение освобождения крестьян весьма недостаточно обеспечивается оными». «Особенно не нравится нам то, — писал Тургенев, — что сии постановления беспрестанно говорят об освобождении крестьян, следовательно о праве перехода с одного места на другое, между тем как крестьяне остаются прикрепленными к земле обязанностью платить выкупной оброк и сверх того подушным окладом и рекрутскою повинностью в настоящем ее виде. Много говорится также о вольном труде, столь благотворном и для самих крестьян, и для государства вообще, между тем как и тени настоящего вольного труда нельзя найти в сих постановлениях». Особенно возмущало Тургенева «гнусное постановление о розгах, коим подвергаются освобождаемые люди» [3, с. 140–141].

И тем не менее, полагал Н.И. Тургенев, с результатами работы Редакционных комиссий, которые вот-вот должны получить силу закона, придется согласиться как с максимумом возможного для современной России в достижении «предположенной цели». По его убеждению, никакие «новые комитеты и комиссии» «не могут привести нас к чему-нибудь более удовлетворительному» [3, с. 140].

В этих суждениях Николая Тургенева присутствовала, конечно, определенная двойственность, но верх брали здесь все-таки не критические, а охранительные в отношении реформы мотивы.

Было бы, наверно, поспешным и наивным утверждать, что доброжелательная оценка статьи И.С. Тургеневым означала его согласие с авторской критикой целей и методов крестьянского освобождения. Но все же будет правильным, на наш взгляд, рассматривать высказывание Николая Тургенева как немаловажный источник для характеристики отношения Ивана Тургенева к отмене крепостного права, в том ее формате, который был определен Положениями 19 февраля. И главным в таком случае будет не учет конкретных замечаний, прозвучавших в статье, а общий взгляд ее автора на свершившееся в России, выбор им оценочного приоритета в отношении к реформе.

Этот выбор предполагал два варианта: либо защита, либо критика, открывающая дорогу тотальному отрицанию. Николай Тургенев выбрал первый, указав на безальтернативность того поворота, который ждал Россию после 19 февраля 1861 г. Иван Тургенев в этом случае последовал за ним, наращивая день за днем аргументацию в пользу объявленной реформы. Он видел в ней новую реальность, нуждающуюся в охране от попыток ревизии плана ее строительства как в крепостническом духе, так и в духе чрезмерных либеральных требований и, наконец, идей социальной революции.

И.С. Тургенев был уверен в том, что с Положения 19 февраля начинается «новая эра России». Не находя в самом начале реформы, как мы знаем, причин для разговоров об «ограблении» дворянства, он уже в 1862 г. увидел признаки роста материального благополучия крестьян: «повторяю одно: не должно забывать, что какие бы ни были последствия от «Положения» для дворян, — писал он В.Ф. Лугинину 26 сентября (8 октября) 1862 г., — крестьянин разбогател и, как они выражаются, раздобыл от него — и знает, что он этим царю обязан... Безумно было бы не принимать этих фактов в соображение» [2, т. 5, с. 112]. Эти слова были сказаны в ситуации полемики с проектом адреса Александру II, написанным Огаревым и одобренным Герценом. Обращаясь по поводу того же адреса к Герцену, Тургенев снова указывал на ошибочность использования Положения 19 февраля как «исходной точки отрицательного или революционного противудействия» правительству. На его взгляд, это было «и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо». Он убеждал издателя «Колокола» в том, что «земля» приняла Положение. Более того, «она, —

писал Тургенев Герцену 4(16) октября 1862 г., – в весьма скором времени сольет свое понятие о свободе с понятием о “Положении” – и будет видеть в его врагах – своих врагов» [2, т. 5, с. 116]; а его лондонские заступники-социалисты де-монстрировали, как он считал, «значительное непонимание народной жизни и современных ее потребностей» [2, т. 5, с. 132].

В уже упоминавшемся письме В.Ф. Лугинину Тургенев сообщал о своем намерении подготовить адрес Александру II. Вот с каких слов начиналась программа адреса: «Признав великое благо, основанное “Положением”, указать на необходимость некоторых дополнений и улучшений – а главное, на настоятельную потребность привести весь остальной состав русского государства с совершившимся переворотом» [2, т. 5, с. 112]. Нетрудно заметить, что в расстановке смысловых акцентов И.С. Тургенев определенно перекликается с Н.И. Тургеневым – автором статьи о приостановке объявления манифеста. «Великое благо» реформы поставлено здесь писателем во главу угла – оно не вызывает у него никаких сомнений. Отрицательное же отношение к отрезке земли у крестьян, переходному периоду и законсервированному реформой институту сельской общины, о чем мы уже знаем, не делало его непримиримым оппонентом правительства.

В мае 1861 г. Тургенев приехал в Спасское и пробыл там до конца лета. Здесь ему предстояло завершить работу над романом «Отцы и дети» и – что более важно для нашей темы – пронаблюдать и осмыслить то новое, что появилось в настроениях и поведении крестьян, оценить эффективность работы должностных лиц, пришедших на смену помещичьей власти, и принять важные для себя и своих бывших «мужиков» хозяйственные решения. Тургенев собирался поделиться увиденным в статье, которую он обещал И.С. Аксакову. Тот, видимо, планировал поставить ее в первый номер «Дня» (газета начала выходить с 15 октября 1861 г.). В диалоге между ними родилось и название этих, по определению Аксакова, «писем из провинции» – «Четыре месяца в деревне». Но статья так и не была написана. Исследователя в данном случае выручают тургеневские письма, богатые фактами и размышлениями, которые подарило писателю лето 1861 г.

Пожалуй, самой большой неожиданностью стало для Тургенева нежелание крестьян переходить на выкуп земли. А ведь в выкупе он видел «главную цель» реформы. Тургенев объяснял антивыкупные настроения тем, что вчерашние крепостные заботятся только о сегодняшнем дне, нисколько не доверяют сельскому

начальству, испытывают страх перед документальным закреплением новых обязательств. «Всякие доводы теперь бессильны», – вырвалось у него в письме Анненкову 7(19) июня 1861 г. [2, т. 4, с. 340].

Сопrotивление крестьян вынуждало его идти на форсированное решение этой задачи «без участия мужиков». Здесь Тургенев решительно расходился со своим дядей, делавшим ставку на добровольный выкуп, и готов был идти на ощутимые финансовые потери ради ускорения развязки с крестьянами. Вот что он писал своему главному помощнику Н.Н. Тургеневу в начале сентября 1863 г.: «я к крайнему изумлению и, могу сказать, прискорбию моему убедился, что ты большую часть имений не представил еще к выкупу – всё в надежде на участие крестьян. *Участия этого никогда не будет* – и по мерам, принимаемым правительством в западных губерниях, можно предполагать, что обязательный выкуп будет введен везде – а мы только теряем даром время и остаемся в путанице крепостного уже умершего права. Тяжело потерять с слишком 20 000 р. сер., но когда нет надежды получить их – то лучше разом пресечь зло и принести неизбежную жертву. Все эти оттяжки ни к чему не поведут – или поведут к худшему» [2, т. 5, с. 205].

Немало беспокоил Тургенева и протест вчерашних крепостных против перевода их с барщины на оброк – процедуры, определенной в качестве первоочередного условия выкупа. Успокаивало то, что он еще в 1860 г. смог все-таки перевести часть крестьян на оброк. Главный мотив упорства крестьян в этом вопросе виделся ему в их надежде, что земля через два года достанется даром, а потому не стоит «обвязываться» оброком, следовательно, соглашаться с выкупом. К тому же трехдневная барщина, которая пришла на смену шестидневной, воспринималась теперь как «льгота», хотя исполнялась она «худо», «прескверно» в уверенности, что «прежних побудительных мер не может быть» (В.П. Боткину, 22 мая (3 июня) 1861 г.) [2, т. 4, с. 330].

В Спасском и его ближайшей округе весной и летом 1861 г. не наблюдалось таких вспышек крестьянского протеста, которые потребовали бы подавления военной силой. Тургенев очень дорожил «тишиной» и «мирными отношениями» с крестьянами. Трудно сказать, как повел бы он себя, если бы оказался перед дилеммой: народная правда или солдатские штыки. Бесспорно одно. Либерал и автор «Записок охотника» все-таки не готов был, демонстрируя гуманизм и деликатность, бесконечно уступать вчерашним крепостным ради достижения полного

согласия. Это может показаться неожиданным — но он допускал возможность телесных наказаний крестьян как средства ускорить их движение к правильной свободе. «Здесь везде тихо, а если где и проявляются беспорядки, примирительный и охлаждающий элемент розги действует превосходно», — писал он В.П. Боткину 22 мая (3 июня) 1861 г. [2, т. 4, с. 331]. Уязвимость оправдания розги с точки зрения нравственности наверняка осознавалась Тургеневым, и он должен был искать для себя способы элиминации этого отступления к временам крепостничества. «А исправники стегают ежедневно, но понемногу», — читаем в письме П.В. Анненкову от 10 (22) июля 1861 г. [2, т. 4, с. 351]. «Понемногу», видимо, производило успокаивающий эффект.

Каждодневное общение с крестьянами весной и летом 1861 г. порождало размышления о степени готовности народа к глубочайшему перевороту в его жизни «после 200-летнего бесправия» и новой реальности, которая перед ним открывалась. Иногда они были исполнены черного, беспросветного пессимизма — «вот тут и толкуй о законности, ответственности, разделении властей, и т.д., и т.д.» (Е.Е. Ламберт, 21 мая (2 июня) 1861 г.) [2, т. 4, с. 327]. Но Тургенев подмечал одновременно и начальные ростки крестьянского правосознания. «Мужички поняли одно — что их бить нельзя и что барская власть вообще ослаблена, вследствие чего должно “не забывать себя”» (письмо П.В. Анненкову от 10 (22) июля 1861 г.) [2, т. 4, с. 351].

Из всего увиденного и услышанного Тургенев делал вывод: народ без гражданского образования «всегда будет плох, несмотря на всю свою хитрость и тонкость». Поэтому просвещенному слою надо было, с одной стороны, вооружиться терпением, а с другой — «стараться учить» крестьянскую массу (Е.Е. Ламберт, 15 (27) июня 1861 г.) [2, т. 4, с. 345].

К месту, наверное, будет напомнить, что собственная попытка Тургенева напрямую и в масштабах России подступиться к делу просвещения народа имела место в августе 1860 г., когда он вместе с П.В. Анненковым решил основать «Общество для распространения грамотности и первоначального образования». «Наше общество не имеет и не может иметь целью воспитание народа, — говорилось в проекте его программы. <...> Мы намерены строго ограничиться одним первоначальным, элементарным образованием, мы желаем распространения грамотности в тесном ее смысле» [4, т. 12, с. 360]. Создать «Общество» не удалось, но у себя в Спасском Тургенев летом 1868 г. дал распоряжение управляющему имением восстановить школу для крестьянских детей и со-

держал ее, отказываясь передать земству, до конца своей жизни.

С очевидным пристрастием Тургенев наблюдал в первый год реформы за становлением новых властных органов в деревне и поначалу отказывался ждать от них чего-либо полезного. Волостной суд, по его словам, «прозванный теперь уже лапотным судом», обречен был, как ему казалось, на бездействие. Не верил он и в успех работы мировых посредников, состав которых оценивался как «неудовлетворительный». Да и крестьяне, в свою очередь, смотрели на новые власти «странными глазами».

Но Тургенев оказался в родовом гнезде не для того, чтобы бесконечно рефлексировать по поводу «иногда некрасивых», но «большей частью безобразных форм», которые принимало в России крестьянское дело. Ему как землевладельцу предстояло принять важные для своего будущего и будущего вчерашних крепостных решения и действовать. Уже в мае 1861 г. он смог отчитаться перед В.П. Боткиным за первые практические шаги. «С моими крестьянами, — писал он 22 мая (3 июня), — я в наилучших отношениях: правда, я им усадьбы подарил даром и при высшем наделе земли, вместо 3 руб. положил только 2 р. 50 к. — и со всем тем другие мои барщинные крестьяне этим не соблазняются» [4, т. 12, с. 331]. Тургенев оценивал эти уступки как «крайне выгодные» для крестьян и максимально возможные для себя, даже чрезмерные. Они «доходят почти до подлости», — вырвалось у него в письме П.В. Анненкову от 7(19) июня 1861 г. [2, т. 4, с. 331]. Но и «благоволение», и «дружелюбие» крестьян, получаемые, как ему казалось, в ответ, для него много значили. А самая осязаемая перемена к лучшему состояла в том, что появились «свободные работники».

Правда, до благостной картины полного согласия было еще очень далеко. Впереди ждало составление и подписание уставных грамот. В Спасском это удалось сделать только к марту 1862 г. Перед отъездом оттуда в августе 1861 г. он сообщал П.В. Анненкову, что не смог пока «уломать здешних крестьян» на подписание. «До сих пор, — писал он, — они упорствуют и носятся с разными задними мыслями, которых, разумеется, не высказывают» [4, с. 358]. Заметная подвижка в подготовке уставных грамот произошла в 1862 г., и у Тургенева появилась надежда на то, что весной следующего года во всех его деревнях «дело будет сделано и начнется новая жизнь». Но племянник и дядя Тургеневы все-таки не уложились в отведенный для составления уставных грамот двухлетний срок. И.С. Тургенев вообще считал, что переходный период затянется.

В 1861–1863 гг., в период наивысшей социально-политической турбулентности в России, вызванной отменой крепостного права, Тургенева ни на минуту не покидала уверенность в благополучном исходе «целого переворота в русской жизни». Он видел в этой жизни немало зла, но зло это было «необходимым» и «переходным». Тургенев несколько не завышал свою самооценку, утверждая в одном из писем Е.Е. Ламберт 1862 г.: «В деле освобождения крестьян я всегда был оптимистом и не верил никаким черным предсказаниям» [2, т. 5, с. 118].

Надо сказать об особенностях тургеневского оптимизма первых пореформенных лет. Его неоднократные заявления о «переворотном» в самом положительном смысле характере начавшейся реформы были, конечно, справедливы, если иметь в виду историческое измерение произошедшего в России сдвига. Но этот оптимизм был пока только оптимизмом должного, неизбежно нес на себе печать умозрительности, декларативности, ибо не прошел еще проверку действительностью. А действительность пореформенной России представляла перед Тургеньевым далеко не в розовом свете.

Писатель черпал свои впечатления о пореформенной российской деревне главным образом тогда, когда находился в Спасском. К сожалению, первое десятилетие после отмены крепостного права оказалось не очень насыщенным приездами Тургенева в свое главное имение. После 1862 г. он всего лишь трижды (1865, 1868, 1870 гг.) побывал на родине. Тем большую важность приобретают зафиксированные в его письмах впечатления от увиденного в российской глубинке.

Восприятие крестьянской жизни Тургеньевым заметно изменилось в 1868 г., густо окрасившись в пессимистические тона. Собираясь на лето в Россию, он уже знал о «бедственном положении» нескольких губерний вследствие голода 1867–1868 гг., который не обошел и родные ему – Тульскую и Орловскую. Неурожаи и голод усугублялись не прекращавшимися то тут, то там вспышками холеры. Но надо было увидеть собственными глазами происходившее на родине. И увиденное повергло Тургенева в крайне мрачное состояние духа. Оно достаточно полно передано в письмах Полине Виардо, относящихся к июню–июлю 1868 г. По степени своей безотрадности зарисовки крестьянской России, сделанные здесь, далеко превосходят изображенное в «Записках охотника». Надемся, такое сравнение вполне корректно.

Вот что говорилось в первом письме, датированном 13(25) июня 1868 г.: «Россия производит на меня сейчас ужасающее впечатление:

не знаю, от голода ли это, который только что здесь был пережит, но, думаю, никогда еще жилища не казались мне столь жалкими, столь разоренными, лица – столь изможденными – всё печальным... Повсюду кабаки и безысходная нужда! Спасское – единственная из всех виденных мною до сих пор деревень, где соломенные крыши не зияют прорехами – одному богу известно, как далеко Спасскому до самой крохотной шварцвальдской деревушки!» [2, т. 9, с. 236]. Перебороть это настроение не могли ни успехи нового управляющего Н.А. Кишинского по части наведения «порядка» в Спасском, ни отсутствие «прорех» в соломенных крышах изб спасских крестьян.

Тургенев подытожил свои российские впечатления лета 1868 г. в письме к брату, Н.С. Тургеньеву от 16(28) июля. Это «резюме» несколько не отличалось от первоначальных оценок. «В Спасском я пробыл две недели – и могу сказать, как Марий, что посидел на развалинах Карфагена, – писал Тургенев. – <...> И что за вид представляет теперь Россия, эта, по уверениям всех, столь богатая земля! Крыши все раскрыты, заборы повалились, нигде не видать ни одного нового строения, за исключением кабаков, – лошади, коровы – мертвые, люди – испытые, – три ящика едва могли поднять мой чемодан! Пыль стоит везде как облако – вокруг Петербурга всё горит – леса, дома, самая земля... Только и видишь людей, спящих на брюхе плашмя врастяжку, – бессилие, вялость и невылазная грязь и бедность везде. Картина невеселая – но верная» [2, т. 9, с. 43–44].

Летние наблюдения 1868 г. привели Тургенева к нерадостному размышлению о соотношении свободы и материального достатка в жизни пореформенного крестьянства. Беседуя с бывшими крепостными, он убеждался в том, что свобода неизбежно должна была привести их к обнищанию. И первому поколению раскрепощенных, которое «должно исчезнуть», уготована была, полагал он, всего лишь участь «живого удобрения» [2, т. 9, с. 240].

К концу 1860-х гг. Тургенев заметно веселее смотрел на положение дел в пореформенной России. И хотя в «волнах русской жизни» было еще немало «грязи», он, погружаясь в них, чувствовал себя «довольным» (см. письмо П.В. Анненкову от 15 (27) июня 1870 г. из Спасского) [2, т. 10, с. 204].

Для русской общественной мысли 1870-х гг. крестьянский вопрос не имел уже того первенствующего, всеопределяющего значения, каким он обладал в период подготовки и начала отмены крепостного права. Но обсуждение разных его аспектов продолжалось, а к концу второго

пореформенного десятилетия общественное мнение, как отмечает современный исследователь, было уже едино в «тревоге по поводу бедственного положения деревни» [5, с. 293].

1870-е гг. в биографии писателя остались, к сожалению, без свидетельств о развитии его взглядов в интересующем нас вопросе. Погружение в художественное и эпистолярное наследие Тургенева этого десятилетия убеждает в том, что в его размышлениях о современной России фигура «мужика» все более отеснялась новым персонажем – молодым, активно действующим революционером. Могут быть, конечно, и другие объяснения этой лакуны. Но вот что еще примечательно. Важным идеологическим конфидентом Тургенева становится не кто иной, как П.Л. Лавров, заменяя в этой роли главного эксперта по крестьянскому вопросу Н.И. Тургенева.

Указанный пробел можно попытаться восполнить – правда, лишь отчасти – учетом того, что к концу 1870-х гг. представляла собой позиция наиболее близкого ему идейно «Вестника Европы». Этот «срез» в определенной мере оттенит особенности места, которое объективно занимал в обсуждении крестьянской проблематики «молчащий» Тургенев, поможет разглядеть специфические черты его либерализма.

Примечательными фактами общественной жизни России второй половины 1870-х годов стали двухтомный труд А.И. Васильчикова «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», вышедший в 1876 г., и дискуссия, развернувшаяся вокруг него (см. об этом: [6, с. 186–200]). Не посягая «на личные и реальные права частных владельцев» земли, Васильчиков выступил защитником крестьянской общины, видя в ней пример реализации дорогого для него принципа трудовой собственности на землю и гарантию того, что России удастся миновать социальные потрясения. Самым серьезным либеральным оппонентом Васильчикова стал Б.Н. Чичерин. Ему принадлежали три из пяти глав написанной совместно с В.И. Герье книги «Русский дилетантизм и общинное землевладение» (1878 г.), представлявшей собой критический разбор труда Васильчикова.

Решительный протест со стороны Чичерина вызвало понимание Васильчиковым земельной собственности как исключительно трудовой. В этом он усмотрел прямую угрозу дворянскому землевладению. Маститый либерал увидел главную мысль книги Васильчикова в том, что будущее России связано исключительно с преобладанием крестьянской земельной собственности, которую гарантирует сохранение общи-

ны. Этот взгляд отвергался Чичериним как глубоко ошибочный.

Чичерина раздражали разговоры о недостаточности крестьянского надела. В реформе 1861 г., полагал он, окончательно и справедливо решился вопрос о земельном обеспечении бывших крепостных. Единственное же согласное с экономическими законами средство борьбы с неизбежным злом пролетаризации крестьянства виделось ему в колонизации. Чичерин поддерживал требование активной переселенческой политики, прозвучавшее из уст Васильчикова. В этом пункте аграрной программы, развернутой в «Землевладении и земледелии», не было, к радости Чичерина, речи об общинном владении, «самобытных началах русской жизни», «пагубном влиянии западной гражданственности».

Чичерин и Герье увидели в Васильчикове «знаменосца» славянофильства и социализма одновременно. Этой «смутной» славянофильско-социалистической эклектике они противопоставили логику чистого экономического либерализма и авторитет строгой науки.

Еще накануне появления книги Герье и Чичерина Васильчиков ответил опередившим их оппонентам, избрав для публикации своей антикритики «Вестник Европы». Его статья появилась в февральском номере журнала за 1878 г. Согласие редактора «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича напечатать это выступление Васильчикова нельзя считать случайным. Он, как и Васильчиков, находился в рядах защитников крестьянской общины, видя в ней «историческую форму, оберегаемую для земледельческой ассоциации, т.е. для общественной распашки, удобрения и производства всех работ общими силами» [6, с. 197]. Таким образом, в решении общинного вопроса либеральный «Вестник Европы» оказывался рядом с народническими «Отечественными записками».

Журнал Стасюлевича уклонился от заявления своей позиции в споре Герье и Чичерина с Васильчиковым. Лишь в отклике на смерть автора «Землевладения и земледелия» (он скончался в октябре 1881 г.) редакция «Вестника Европы» прямо высказала свое отношение к его главному труду. Это было сделано начавшим с 1881 г. свою постоянную работу в журнале К.К. Арсеньевым. Разделяя в основном позицию Васильчикова и высоко оценивая ее нравственную сторону, Арсеньев в то же время не скрывал, что между «Вестником Европы» и автором «Землевладения и земледелия» все-таки существовали разногласия. Журнал, в отличие от него, признавал факт крестьянского малоземелья.

Обвинения Васильчикова в социализме, прозвучавшие из уст Герье и Чичерина, несколько

не смущали Арсеньева. Сам он разглядел в князе «одного из первых русских научных социалистов (Katheder-socialisten)», причисляя к ним людей, усвоивших себе то, что есть хорошего в социализме, ставивших себе задачей мирное, постепенное устранение несовершенств общественного строя и отвергающих всякую мысль о насильственном перевороте, о безусловной нивелировке» [7, с. 372]. Ведущий публицист «Вестника Европы» не находил такой социализм враждебным социально-экономическим устремлениям журнала.

К началу 1880-х годов становится все более очевидной враждебность «Вестника Европы» идеологии чистого экономического либерализма. Разделил ли хоть в какой-то мере Тургенев эту трансформацию взглядов дружественных ему либералов из журнала Стасюлевича? Приходится отрицательно ответить на поставленный вопрос. Никаких признаков его движения в этом направлении не обнаруживается.

При всем своем интересе к идеям европейского и русского социализма Тургенев не был склонен к компромиссу с ними в собственных социальных воззрениях [8]. Его терпимость к социализму и социалистам совсем не вела к хотя бы частичной ревизии либеральной доктрины. Писатель был непоколебим в противостоянии герценовской теории «русского социализма» и идеологии народничества.

Он отказывался видеть в русском крестьянине-общиннике социалиста «по инстинкту». Еще в начале 1860-х гг. Тургенев убеждал Герцена в том, что народ уже носит в себе зародыш «буржуазии в дубленом тулупе» [2, т. 5, с. 113]. Спустя почти два десятилетия, в 1880 г., на встрече с демократически настроенными литераторами Тургенев прямо говорил о несостоятельности попытки русских революционеров двинуться «в народ» с целью осуществления социалистического идеала: «Да и могла ли разве удалась пропаганда отвлеченностей социализма людям, вся жизнь которых состоит из перехода от одной конкретной осязательности к другой: от сохи к бороне, от бороны к к цепу, а от цепана иной раз к полуштофу» [9, с. 46].

Факт стойкого неприятия Тургеньевым общины как оптимальной хозяйственно-административной ячейки крестьянской жизни хорошо известен и не нуждается в еще одной попытке подкрепить его высказываниями писателя на эту тему. В контексте же дискуссии об общине внутри либерального лагеря во второй половине 1870-х гг. писатель, как видим, оказывался совсем не рядом с линией, взятой «Вестником Европы», а в очевидной близости взглядам Чичерина и Герье. Его позиция, будь

она заявлена публично, удостоилась бы и благосклонной оценки со стороны представителей «аристократической» оппозиции.

Последнее публичное высказывание Тургенева по крестьянскому вопросу относится к марту 1881 г. Оно прозвучало в статье «Александр III», опубликованной в парижском издании «La Revue politique et litteraire» (1881, № 13, 26 марта) за подписью: ХХХ. Статья представляла собой неожиданную попытку писателя спрогнозировать внутри- и внешнеполитический курс нового императора. Тургенев сразу же заявил о необоснованности ожиданий от царя «парламентской конституции». Он был уверен в том, что императорская власть начнет с более «важных реформ», которые должны «заметно улучшить участь» ее подданных. Тургенев уверял своих читателей, что Россию ждет такое царствование, которое «оправдает прозвище “крестьянского императора”, уже ныне данное царю» [4, т. 10, с. 291]. Именно на долю крестьян должны были выпасть «его самые щедрые милости» [4, т. 40, с. 287].

В свою очередь, Тургенев назвал меры, которые должны были принести «значительное облегчение земледельцу». Вот как выглядел этот перечень: 1) значительное уменьшение крестьянских выкупных платежей за землю; 2) коренное изменение системы налогов; 3) отмена подушной подати; 4) облегчение переселений из одной губернии в другую; 5) «большие» облегчения в отношении паспортов; 6) учреждение земельных банков [4, т. 10, с. 288–289].

Тургенев перечислял проблемы, решение которых, как он сам отмечал, подготавливалось еще при Александре II. И все эти реформы он бы, несомненно, провел, если бы революционное движение в России не помешало его «либеральным намерениям». Сегодня же они, подчеркивал автор статьи, «совершенно неотложны» и, вероятно, будут осуществлены уже к концу 1881 г.

Опять-таки возникает вопрос: как выглядела позиция Тургенева по крестьянскому вопросу в целом в сравнении с тем, что говорилось в кругу либерального «Вестника Европы» в начале 1880-х гг.?

«Вестник Европы» отреагировал на убийство Александра II программным «Внутренним обозрением» в № 4 за 1881 г. (оно было написано К.К. Арсеньевым). Так же как и Тургенев, публицист «Вестника Европы» указывал здесь на «господствующее значение», которое сохранял крестьянский вопрос. Он, полагал Арсеньев, и по истечении двух десятилетий с начала реформы стоял на первом месте в ряду назревших за это время преобразований. Арсеньев не

склонен был идеализировать «систему», установленную Положениями 19 февраля. «К поддержанию экономического благосостояния крестьян не было принято никаких мер», – констатировал он. Отсутствие какого-либо движения в этом направлении объяснялось тем, что между составителями и исполнителями Положения (Арсеньев пользуется единственным числом. – В.К.) «было слишком мало общего» [10, с. 776–777].

Программа возвращения «к духу и внутреннему смыслу» реформы 1861 г. виделась Арсеньеву так. Прежде всего следовало устранить малоземелье, облегчить выкупные платежи, очистить крестьянское самоуправление «от всех примесей и наростов», правильно организовать крестьянский суд, пойти на «переделки» закона 27 июня 1874 г., который ликвидировал институт мировых посредников и учреждал на его месте уездные по крестьянским делам присутствия. Кроме того, надлежало определиться с вопросом о судьбе сословной обособленности крестьянства и оградить его от эксплуатации со стороны кулачества [10, с. 777].

В апрельском «Внутреннем обозрении» за 1882 г. Арсеньев, отвечая на выпад Ивана Аксакова против «либеральной партии», которая якобы в состоянии сформулировать только «два девиза»: «свобода печати» и «свобода совести», предложил свое видение полнокровной программы русского либерализма. Ее экономическую часть он начал с утверждения, что «народное благо» должно выступать «последней (в значении высшей. – В.К.) цели государственного управления». Приведем это место из выступления Арсеньева полностью.

«Поддержание общинного владения, как главной гарантии против обезземеления массы; правительственное и земское содействие к переходу земель во владение крестьян, в особенности там, где они наиболее страдают от малоземелья; организация переселений и мелкого поземельного кредита; освобождение крестьян от стеснений, налагаемых на них паспортной системой и круговой порукой; дальнейшее понижение выкупных платежей, там где они превышают доход с надельной земли; отмена подушной подати; увеличение налогов, платимых более достаточными классами, с соответствующим уменьшением податого бремени, тяготеющего над народом; значительное сокращение непроизводительных государственных расходов, – таковы, между прочим, существенно важные пункты “либеральной” программы, тщательно игнорируемые ее противниками» [11, с. 804–805].

При сравнении «крестьянских» деклараций Арсеньева 1881-го и 1882-го гг. сразу же броса-

ется в глаза одно немаловажное различие. Во второй появляется упоминание о крестьянской общине, которая нуждается в поддержании как «главная гарантия против обезземеления массы». Именно этим требованием открывается перечень мер, необходимых для повышения уровня «народного блага».

Но вернемся к Тургеневу. Весьма примечателен тот факт, что либералы Тургенев и Арсеньев начали свои программные выступления с обозначения первоочередных в их понимании нужд русского крестьянства. Близость, а иногда и буквальное совпадение позиций того и другого в данном случае очевидны. Но нельзя не обратить внимания и на имевшие место расхождения. Арсеньев более всего обеспокоен крестьянским малоземельем, в то время как Тургенев не считал нужным упомянуть и акцентировать эту проблему. Смысл предложения об облегчении переселений для крестьян в его списке назревших преобразований прочитывается как завуалированное желание избежать на территориях их привычного расселения еще одного передела земли за счет помещиков. Крестьянская свобода, как видим, ставилась Тургеневым все-таки выше ее достаточного земельного обеспечения, и он не был озабочен угрозой пролетаризации крестьянства.

По степени готовности к социализации (можно даже сказать, онародниванию) либеральной доктрины Тургенев уступал не только редакции «Вестника Европы», но и такому авторитетному эксперту в крестьянской теме, как К.Д. Кавелин. Вполне к месту будет вспомнить, что буквально вслед за статьей Тургенева «Александр III» в том же 1881 г. в «Вестнике Европы» появились три его большие статьи под общим названием «Крестьянский вопрос» (№№ 3, 8–12). Один из столпов русского либерализма 1840–1860-х годов (правда, заметно разочаровавшийся в западничестве) предлагал здесь обширную программу «доведения» реформы 1861 г. мерами, которые должны были «обнимать все стороны» крестьянского быта – «материальную, умственную и нравственную» [6, с. 66–71].

В экономической части этой фундаментальной работы Кавелина на первом месте стояла проблема недостаточности крестьянского надела. За «норму достаточного землевладения» им предлагались высшие размеры душевого надела по Положениям 19-го февраля. При этом размер землевладения должен был определяться «не по наличному числу душ мужского пола, а по числу ревизских душ, приписанных к селению с правом на надел землею» [12, с. 586].

Кавелин называл три способа «оказать пособие» в деле приобретения необходимого для

достижения нормы количества земли. Первым по порядку стоял «отвод земель из соседних незаселенных казенных земель и оброчных статей». При этом устанавливалось взимание «умеренного поземельного оброка». Далее шло «пособие со стороны казны на покупку земли крестьянами по добровольному соглашению с частными владельцами» (приобретенная таким образом земля должна была оставаться «в общей собственности селений»). И, наконец, возможно было «добровольное переселение крестьян на свободные государственные земли» опять-таки с пособием от казны [12, с. 588].

«Вопрос о крестьянском малоземелье, – отмечал Кавелин, – не имеет ничего общего с социалистическими и коммунистическими теориями и может быть разрешен, без малейшего нарушения чьих-либо прав и законных интересов, законодательными и административными мерами, полезными не только для крестьян, но и для общества и государства» [12, с. 594]. Тут же признавалось, что государственное вмешательство, необходимое для «предохранения земледельческого населения от совершенного упадка и разорения», противоречит духу либерального манчестерства. Но отказ от «посторонней помощи» в решении экономических проблем, считал Кавелин, был бы уместен и справедлив, если бы «силы борющихся» были одинаковы. Когда же «они не равны, на государстве и обществе лежит обязанность поддерживать более слабых, уравнивать шансы борьбы, для пользы и блага всех» [12, с. 583].

В «Крестьянском вопросе» был предложен целый ряд мер по укреплению общины. Сущность общинного начала воплощалась для Кавелина в «неприкосновенной и неотчуждаемой собственности» сельских обществ на землю и праве членов этих обществ на «наследственное владение и пользование этою землею, без права закладывать или каким-либо образом отчуждать на правах собственности». Такая община могла уже обойтись без своих привычных атрибутов: переделов земли, чересполосицы и пр. Она не предполагала и «права всех и каждого на равный надел земли» [6, с. 68–69].

Как видим, кавелинская аграрная программа, нацеленная на то, чтобы завершить утверждение России как «сельской формации» в противовес «городской цивилизации» Европы, еще более подчеркивала особенности позиции Тургенева.

Можно подвести итог второй части нашего исследования.

Тургенев взял под защиту Положения 19 февраля несмотря на то, что у него имелись достаточно серьезные расхождения с концепцией реформы. В своей владельческой, хозяй-

ственной практике начала 1860-х гг. он продемонстрировал желание скорейшей и окончательной развязки в отношениях с бывшими крепостными, хоть это и оборачивалось для него финансовыми потерями. Поначалу писатель был исполнен оптимизма относительно хода и результатов освобождения, но сохранять это настроение оказалось делом нелегким.

Молчание Тургенева о крестьянском малоземелье и общине в начале 1880-х гг., в то время как для либералов в его окружении эти проблемы уже вышли на первое место, нельзя назвать случайным. Просто на исходе второго пореформенного десятилетия он, судя по всему, возвращался к тому пониманию крестьянской свободы, которое оформилось у него на рубеже 1840–1850-х гг. Тогда, как мы уже знаем, он не связывал ее с обеспечением земельной собственностью. Теперь же манчестерский либерализм «всплыл» в его взглядах и обусловил совсем не близость к «Вестнику Европы», с которым находился в никогда не прерывавшихся дружественных отношениях, а компромисс со взглядами негибкого классического либерала Б.Н. Чичерина (хотя к его «доктринерству» Тургенев и относился с иронией). Можно отметить и факт приближения писателя к «аграрным» устремлениям представителей «аристократической партии», в частности В.П. Орлова-Давыдова.

* * *

Заключая нашу «диалогию», следует сказать, что предпринятая здесь попытка расширить содержательные и хронологические границы в исследовании позиции Тургенева по крестьянскому вопросу дала неожиданный (а, может быть, вполне закономерный) результат: она укрупнила проблему особенностей тургеневского либерализма, характера его эволюции. Наблюдения, к которым пришел здесь автор, могут, конечно, восприниматься в какой-то их части как гипотетические. Тем не менее они, как кажется, важны в качестве стимула к дальнейшему продвижению вперед в изучении общественно-политических взглядов писателя.

Итак, пойдя во второй половине 1850-х гг. на компромисс с правительственной программой отмены крепостного права, Тургенев должен был на время приглушить в себе органичный для него классический, манчестерский либерализм, чтобы вписаться в «русифицированную», отмеченную «народолюбивой» риторикой версию либеральной доктрины.

Но возвращение к классике европейского либерализма, как нам представляется, все-таки состоялось. Об этом свидетельствовал отказ писателя присоединиться к голосам в пользу углубления реформы 1861 г., зазвучавшим в

российском либеральном лагере на рубеже 1870–1880-х гг. Сам он, видимо, считал уже неуместными новые шаги по сокращению пространства экономической свободы и уменьшению земельной собственности помещиков и возвращался, таким образом, в начальную точку эволюции своих антикрепостнических взглядов.

Уже было указано на трудности в объяснении мотивов и установлении более или менее точных хронологических координат этих переходов. Но основания для того, чтобы говорить о наличии «возвратной» логики в движении экономической мысли писателя, несомненно, имеются. Высказывание по крестьянскому вопросу в статье «Александр III» можно рассматривать и как дополнительный аргумент в пользу того, что Тургеневу принадлежит опубликованная в начале 1857 г. «Записка о крепостном праве в России».

Список литературы

1. Китаев В.А. И.С. Тургенев – теоретик и практик крестьянского дела в России. Статья первая //

Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 38–48.

2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–1986.

3. Тургенев Н.И. О (временной) приостановке объявления манифеста 19 февраля 1861 г. // Русская литература. 1961. № 4. С. 138–142.

4. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982–2018.

5. Христофоров И.А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830 – 1890-е гг.). М.: Собрание, 2011. 368 с.

6. Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860 – 1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 380 с.

7. Вестник Европы. 1881. № 11. С. 372.

8. Китаев В.А. И.С. Тургенев и социализм (1870–начало 1880-х гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 23–28.

9. Рusanов Н.С. Из литературных воспоминаний // Былое. 1906. № 12. С. 37–53.

10. Вестник Европы. 1881. № 4. С. 776–777.

11. Вестник Европы. 1882. № 4. С. 804–805.

12. Вестник Европы. 1881. № 8. С. 586.

IVAN S. TURGENEV – A THEORIST AND PRACTITIONER OF PEASANT AFFAIRS IN RUSSIA (PART II)

V.A. Kitaev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Turgenev's position in 1861–1881 on the peasant issue is considered. His perception of «19th February Conditions» and his economic activity in his own estates during the initial period of the reform are characterized. His vision of the results of peasant emancipation is represented. Turgenev's program of supplementing the peasant reform in the early 1880s is analyzed in comparison with the proposals of the Liberals from «Vestnik Evropy» journal. An attempt was made to reveal the logic of changes in Turgenev's economic views.

Keywords: Ivan S. Turgenev, Konstantin K. Arsenyev, Alexander I. Vasilchikov, Konstantin D. Kavelin, Boris N. Chicherin, «Vestnik Evropy», peasant land shortage, classical liberalism, social liberalism.

References

1. Kitaev V.A. I.S. Turgenev—theorist and practitioner of peasant affairs in Russia. Article one // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2020. No. 5. P. 38–48.

2. Turgenev I.S. Complete collection of works and letters: In 30 vols. Essays. In 12 vols., 2nd edition, revised and expanded. M.: Nauka, 1978–1986.

3. Turgenev N.I. About (temporary) suspension of the declaration of the manifesto on February 19, 1861 // Russian literature. 1961. No. 4. P. 138–142.

4. Turgenev I.S. Complete collection of works and letters: In 30 vols. Letters. In 18 vol. 2nd edition, revised and expanded. M., 1982–2018.

5. Khristoforov I.A. The fate of reform: the Russian peasantry in government policy before and after the abolition of serfdom (1830–1890s). M.: Sbranie, 2011. 368 p.

6. Kitaev V.A. Liberal Thought in Russia (1860–1880). Saratov: Publishing House of the Saratov University, 2004. 380 p.

7. Bulletin of Europe. 1881. No. 11. P. 372.

8. Kitaev V.A. I.S. Turgenev and socialism (1870–early 1880s) // Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2018.

9. Rusanov N. S. From literary memoirs // Past. 1906. No. 12. P. 37–53.

10. Bulletin of Europe. 1881. No. 4. P. 776–777.

11. Bulletin of Europe. 1882. No. 4. P. 804–805.

12. Bulletin of Europe. 1881. No. 8. P. 586.